

Интернет-журнал «Наукovedение» ISSN 2223-5167 <http://naukovedenie.ru/>
Выпуск 6 (25) 2014 ноябрь – декабрь <http://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-6-14>
URL статьи: <http://naukovedenie.ru/PDF/56PVN614.pdf>
DOI: 10.15862/56PVN614 (<http://dx.doi.org/10.15862/56PVN614>)

УДК 94(47)

Васильева Ирина Владимировна

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение гимназия № 18 имени И.Я. Илюшина
Россия, Королев
Заместитель директора
E-Mail: dusya_70@inbox.ru

Васильев Дмитрий Валентинович

НОУ ВПО «Институт государственного управления, права и инновационных технологий»
Россия, Москва¹
Проректор
Кандидат исторических наук, доцент
E-Mail: dvvasiliev@mail.ru

Образы жителей Туркестана и его завоевателей в литературных произведениях Н.Н. Каразина

¹ 109004, Россия, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 13

Аннотация. В статье анализируется ряд произведений русского писателя второй половины XIX в. Николая Каразина. Это различные истории, сюжетные линии которых связаны с русским завоеванием Центральной Азии. В рассказах и повестях писателя были созданы образы представителей разных народов, населявших регион, а также русских, которые столкнулись с новой для себя действительностью. Военно-политический конфликт показан как конфликт цивилизационный, в котором столкнулись цивилизованное и варварское общества. В статье выдвигается гипотеза, что произведения Николая Каразина неоднократно переиздавались в течение полувека благодаря тому, что их идеологическая направленность полностью соответствовала имперской политике. А образ Туркестана, формировавшийся Каразиным, отражал задачи, которые стояли перед Россией в Туркестанском генерал-губернаторстве.

Ключевые слова: Туркестанский край; Центральная Азия; Российская империя; образ региона; образ жителей; внутренняя политика; история; русская литература; русские писатели; Николай Каразин; XIX век.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Политика Российской империи в Центральной Азии. Вторая половина XIX века», проект № 13-01-00150.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Васильева И.В., Васильев Д.В. Образы жителей Туркестана и его завоевателей в литературных произведениях Н.Н. Каразина // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» 2014. № 6 <http://naukovedenie.ru/PDF/56PVN614.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/56PVN614

Восток. Средняя Азия. Русский Туркестан. С литографий в иллюстрированных журналах и с почтовых карточек второй половины XIX – начала XX столетий на нас смотрят смуглолицые люди в чалмах и пестрых халатах, на фоне степных просторов скачут резвые табуны и бредут тучные отары, позируют диковинные для того времени верблюды рядом с юртами кочевников. За строками путешественников и литераторов того времени встают цветущие оазисы среди безжизненных песков, вдоль нешироких улиц туземных городов журчит в арыках вода. Мы чувствуем запах плова и фруктов, слышим вечно гомонящие азиатские базары, видим белоснежные хлопковые поля. Эти идиллические картины разбавляются въедающейся в культурный код европейца цивилизационной инаковостью азиатчины. «Безраздельное господство косности и фундаментализма, благородные руины Самарканда и бесчисленные мечети Бухары и Ташкента, женские фигуры, скрытые от посторонних глаз непроницаемым панцирем паранджи, убогий быт простых людей, страдающих от постоянных эпидемий. И, безусловно, надо всем этим «белый генерал» – символ незыблемости и могущества русской власти».² Стереотипы восприятия центральноазиатской окраины империи, возникли не в одночасье они начали формироваться задолго до ее включения в состав России и не потеряли своего значения до сего дня. Политические, культурные и этнографические мифы создавались фантазией людей или политической волей правительства. Они не всегда соответствовали реальности, трансформируясь порой в свою почти полную противоположность.

Для России загадочный Восток никогда не был далекой экзотикой. «Азиатцев» можно было встретить в столичных парках и на московском базаре. Однако увидеть далекий край изнутри удавалось немногим. Информация поступала с большой периодичностью, отрывочно, и зачастую формировала ложные представления.³

Лишь в начале 1860-х гг. в регион сместился эпицентр отечественной внешней политики. У российской читающей публики стало формироваться представление о том, что российское завоевание «не составляет бедствия для коренного населения, но, напротив, открывает единственный путь спасения этим племенам, неспособным самостоятельно организовать и управляться».⁴

Под влиянием газетных публикаций тех лет формировался устойчивый стереотип о социально-политической неразвитости азиатских обществ, превращающий их завоевание более развитыми европейскими государствами во благо. Этот стереотип возникал из представлений «...о полудиких ханах, слепых орудиях в руках дервишей; о занимающейся грабежами полуголодной армии; о трудолюбивых простых подданных, воспринимавшихся собственным правительством как стадо баранов, которых можно стричь, живущих в постоянном страхе за свою жизнь и собственность, и видящих свое спасение лишь в чужеземном завоевании».⁵ На это накладывалось транслировавшееся властями разного уровня представление о спокойствии, покорности и даже преданности местного населения новой власти.

Просвещенная империя знакомилась с регионом по мере продвижения ее армии вглубь Центральной Азии. А первыми исследователями и источниками информации о Туркестане, активно участвовавшими в формировании представлений о регионе в российском обществе, были офицеры и лица, специально сопровождавшие военные экспедиции. Описание военных действий, походные записи и их бытовые зарисовки просачивались на страницы прессы, ложась

² Васильев Д.В. Россия в Центральной Азии: мифы об имперской окраине // Научные труды Института бизнеса и политики. Вып. 4: Восток: история, политика, культура. М.: Институт бизнеса и политики, 2007. С. 39.

³ Подробнее о формировании образа Туркестана в русском обществе см. там же. С. 39-70.

⁴ Лежан Г. Русские в Средней Азии. // Записки для чтения. – СПб., 1867. – № 10–11. – С. 198.

⁵ Васильев Д.В. Указ. соч. С. 48.

кирпичиками в фундамент образа Русского Туркестана, который не только формировался как своего рода отражение имперской политики в регионе, но и сам в определенной влиял на направление и ход этой самой политики.

Одним из первых художников и литераторов, который сам участвовал в военных действиях и чьи произведения пользовались весьма серьезным успехом внутри России, был Николай Николаевич Каразин.⁶ Он не был гениальным баталистом и пейзажистом, но в условиях отсутствия фотографий без его рисунков не обходились толстые журналы, а государь император заказывал ему большие полотна туркестанских сражений для Зимнего дворца. Нет его и среди великих русских писателей. Но романы, повести, рассказы и даже сказки Каразина создавали в умах читателей незнакомые, а потому и неповторимые, образы жителей далекой имперской окраины.

В сочинениях Н.Н. Каразина имеются сведения об отношении различных социальных слоёв населения к завоеванию, вне зависимости от их национальной принадлежности. Характеры, созданные мастерством писателя, дают представления о реально происходивших событиях, позволяют создать образы «покорителей» и «покорённых», их отношения друг к другу. Походы русских войск в Средней Азии имеют много особенностей, делающих их совершенно не похожими на войны которые велмсь на европейском театре. Русские войска постоянно должны были вести борьбу не только с врагами, но и с самой природой. Отсутствие дорог, населённых пунктов и колодцев делало эти походы при палящем зное, по сыпучим пескам и солнечным пустыням чрезвычайно трудными. Необходимость нести и везти с собой запасы продовольствия воду, дрова, фураж для лошадей невольно превращало русские отряды в громадные караваны. При этом надо было постоянно быть готовыми отразить внезапное нападение кочевников, скрывавшихся за каждой складкой местности. Небольшие партии туземцев в безбрежных степях были положительно неуловимы. Климатические условия степных походов были для русских непривычными в любое время года. Летом нестерпимо мучала жажда, потому что жара раскаляла почву до степени пылающей печи, а зимой снежные бураны наметали огромные сугробы и уже невыносим был холод.

В произведениях Н.Н. Каразина рядом с образами русских солдат-завоевателей встают фигуры жителей Туркестана, которые сражались с покорителями, которых солдаты и офицеры встречали в азиатских аулах и городах.⁷

В рассказе «Зарабулакские высоты» писатель показывает жителей Самарканда, занимавшихся торговлей и земледелием, тяготившихся войной, испытывающих гнет непосильных податей. Получив сведения о спокойствии, наступившем в Ташкенте с присоединением города к русским владениям и о выгодах, приобретённых местным населением, они решили прекратить кровопролитие и сдать город русским. Тем не менее признать поражение бухарцев полным было нельзя. Эмир снова собирал войска в Каттакургане. «Исторические события... сложились следующим образом: все наши силы, которыми мы располагали в 1868 году для похода в бухарские пределы, разделились на две массы: одна расположена была под Катта-Курганом, для наблюдения за тем, что делается со стороны Бухары, другая же – и самая главная, – занимала Самарканд с самого дня его сдачи, т.е. с 1 мая. Отсюда предпринимались разные, более и менее удачные экспедиции... Все горные народы восстали чуть не поголовно и двинулись к Самарканду; к тому же, получено было известие из

⁶ Подробнее о Н.Н. Каразине см.: Васильева И.В., Васильев Д.В. Русский Туркестан в литературных произведениях Н.Н. Каразина // Интернет-журнал «Науковедение», 2014, № 4 (23) [Электронный ресурс] - М.: Науковедение, 2014. С. 3.- Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/136PVN414.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. - Яз. рус., англ.

⁷ См.: Там же. С.3-6.

Катта-Кургана, что эмир со своими главными силами остановился не более как в двенадцати верстах от города, и что войска наши там недостаточно сильны, чтобы предпринять что-нибудь решительное. Тогда командующий войсками, оставив в Самарканде небольшой гарнизон, со всеми остальными силами направился на помощь катта-курганскому отряду, и дав войскам отдохнуть после похода один день, предполагал напасть на эмира, разбить его, и таким образом иметь перед собою только одного противника, именно Шахрисабзского бека с его горными союзниками. Так вот, значит, мы теперь шли разбивать эмира, а где он находился и в каких силах, мы положительно не знали... <...> Чем менее становилось расстояние, отделявшее белых [русских – И.В.] от красных [бухарцев – И.В.], тем яснее и яснее замечалась громадная разница в численности той и другой стороны. Длинные фланги бухарской пехоты, словно гигантские руки, загибались, охватывая русский батальон; зашитые в золото всадники горячились на своих аргамаках, ударами сабель возбуждая в задних рядах порывы заметно угасающей храбрости. <...> Дикий вопль на разные лады пронёсся в воздухе: – красавец-всадник поднял руку, и... рванулись вперед белые рубахи, высоко взмахнув ружейными прикладами. Стройные крики ура, которые мы слышим на парадах и на манёврах, не дают понятия о том адском хаосе звуков, который слышится в минуту отчаянной свалки. Те, кто в данную минуту перестали быть людьми, не могут издавать человеческих звуков: рев, свист, пронзительный визг, то что-то похожее на дикий хохот, то жалобное, почти собачье завывание, смешались с характерным стуком окованных медью ружейных прикладов об голый человеческий череп. <...> Бессознательно выпучив помертвелые глаза, с искажёнными чертами лица, с открытыми ртами, бухарцы как-то странно, почти машинально махали своими дрянными ружьями; они, по-видимому, не сознавали, где они и что делают. Тупой ужас овладел ими; этот ужас не был похож на обыкновенный панический страх, под влиянием которого бегут, не решаясь даже оглядываться. Несчастные видели перед собою не белые рубашки русских, нет: перед ними рисовались адские чудовища с тысячами рук, с красными раскаленными пастями, дико вопящие и ревушие. Они даже боли не чувствовали и без стопа падали на землю, когда ружейный приклад раскалывал им черепа, или тупой штык рылся в распоротых внутренностях... Они находились под влиянием паров опиума, усиленных палящими лучами, почти вертикально над головою стоящего солнца, до размеров кровавого кошмара. Это их с утра угостили так по приказанию эмира для возбуждения храбрости. Теперь понятен был тот, озадачивший всех нас сначала, прилив необычайной отваги, с которым бухарцы встретили нашу атаку, а не бежали, как всегда, при первом ее начале».⁸

В то же самое время, 1 июня 1868 года, когда на Зарабулакских высотах произошло решающее сражение между русским отрядом и бухарской армией при десятикратном превосходстве бухарцев, которые не выдержали уже первого натиска русских и бежали, шахрисабзские и самаркандские борцы за веру пошли на штурм самаркандской цитадели. «Вдруг, Бог-весть, из какого источника, по всему лагерю разнёсся ужасный слух: говорили, что весь Самаркандский гарнизон перерезан до одного человека, что город этот снова в руках неприятеля, и что весь народ понимается священной войной на пришельцев. Слух этот начинал подтверждаться, ...мы знали, что около Самарканда творится что-то необыкновенное...»⁹ Незначительное число орудий и необходимость беречь патроны создавали во время отражения штурмов усиливали и без того трудное положение русских. Слабый огонь был не в силах остановить неприятеля, приступ следовал за приступом. Видя критическое положение, комендант послал донесение командовавшему русскими войсками генералу Кауфману. Из семи курьеров добрался лишь один. Русские отряды в Азии сопровождались толпами мародёров, «...которые бродили только, подбирая брошенное, ...которые как шакалы за львами, бродят за

⁸ Каразин Н.Н. Зарабулакские высоты // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В огне. СПб., 1905. С. 50, 55, 57.

⁹ Там же. С. 72.

нашими. Бог весть откуда являются эти существа; если вы начнете всматриваться в черты их тощих лиц с заискивающим, собачьим выражением, с их гноящимися глазами, покрытыми всевозможной лишайной сыпью, то вы найдёте и намёки на характерный монгольский тип, и прямые крупные черты тюркских племён... <...> Без жалости бьют их туземцы, зная с какой гнусной целью бродят они за русскими. ...Некоторым из этих несчастных судьба улыбается, и в два-три похода они успевают приобрести себе что-нибудь похожее на одежду, а иногда даже ослика, на котором разъезжают впоследствии. ...Эти счастливицы решались даже напяливать поверх своих лохмотьев старый солдатский мундир или казачью одежду. Тогда называли они себя джигитами, жили в лагерях вместе с русскими, преимущественно поблизости кухонь, служили чем-то вроде шутов и составляли первое ядро нашей туземной милиции».¹⁰ Один из этих отрядов направился в сторону Самарканда.

Вот они созданные писателем образы: доблестные русские воины-красавцы, чьи отряды надвигаются словно непобедимые сказочные герои, одурманенное опиумом безнадежно слабое туземное воинство, вызывающее даже некоторое сочувствие, и хищники-мародеры из азиатов, опустившиеся ниже мало-мальски человеческого достоинства. Одна зарисовка дает пищу не только для удовлетворения любознательности читателя, но и бросает зерна, из которых со временем сформируются определенные образы и стереотипы.

Вернемся к рассказу. К югу от бухарской дороге, куда были отброшены войска эмира, тянулась мертвая безводная степь. Сильные горячие ветра, осыпавшие мелким песком и затруднявшие дыхание, делали жару невыносимой. Бросая своё оружие, беспорядочными толпами забирались бухарцы в мертвую пустыню. И хотя давно уже прекратилось их преследование, «...в ушах несчастных беглецов всё ещё раздавались страшные победные крики гяуров, резкий свист пуль врага беспощадного».¹¹ С последней надеждой на спасение они шли в сторону группы небольших колодцев. «Вперив в пространство тусклые взоры, бормоча коснеющим языком бессвязные молитвы, они шли и падали, ослабев от потери крови, от мучительной жажды. В воспаленных мозгах бродил тяжёлый чад и угар – следы одурманивающего опиума. ...по мере приближения к колодцам в помертвелых глазах загорались искры слабой надежды на спасение».¹² На дне колодцев нет ничего кроме зеленовато-черной грязи. А жаждущие всё прибывают и прибывают, даже не подозревая о катастрофе: «...еще бы час-два терпения, и воды, хотя бы для немногих, накопилось бы достаточно. Но возможны ли эти час-два терпения, когда человеком начинает овладевать бешенство, когда человек забывает всё, кроме жгучей потребности пить. Чем попало вычерпывают эту грязь, глотают ее, давятся и падают, задыхаясь в конвульсиях. Высокий, мускулистый словно бронзовая статуя, татарин виднеется выше всех над толпой, он стоит на колодезной обкладке, его сжатые кулаки подняты к небу; из охрипшего горла вырываются самые ужасные ругательства, направленные на небо, на Аллаха, на пророка, но пуще всего достаётся эмиру Музафару». Прервал этот поток проклятий выстрел старика муллы, которого «...вывели из религиозной задумчивости богохульные ругательства татарина. Припадки бешенства сменились мало по малу тупым безмолвием; полная апатия овладевала большинством...»¹³

Спустя два месяца Каразин с казачьим разъездом оказался у этих колодцев: «...всюду, куда только хватало глаз, белелись человеческие кости и пестрели клочья цветной одежды». Представшая перед писателем картина позволила ему сделать вывод, что на пути от Зарабулакских высот и около колодцев человеческих тел было гораздо больше, чем на месте

¹⁰ Там же. С. 61-62.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 76.

самого сражения: «...из семи тысяч регулярных пехотинцев эмира Музафара едва одна тысяча собралась в Бухаре, и то почти через месяц после сражения». Словно сама природа выступила против побеждённых. С тех пор колодцы эти были прозваны черными – Карадук.¹⁴

Вернемся к событиям у Самарканда, описанным Н. Каразиным в другом рассказе «Ургут». Осаждавшие, узнав о приближении к отряда Кауфмана, покинули город. Из всех районов Самаркандского бекства стали стекаться в город депутации с изъявлением покорности и дарами. Каразин пишет: «В самом Самарканде жители относились к нам чрезвычайно дружелюбно. Мы ещё и не подозревали до какой степени притворна эта миролюбивость. <...> Один только из городов, казалось, вовсе не расположен был признать нашей власти. Это был Ургут. Город этот лежал в верстах в сорока от Самарканда к югу, в глухом горном ущелье, и дороги к нему вели не совсем-то удобные. К Гусейн-беку, тамошнему правителю, уже не раз посылали сказать, чтобы явился в Самарканд, представился и получил распоряжения от своего нового правителя, и что, иначе, он рискует навлечь на себя гнев русского губернатора, что могло бы иметь для него очень вредные последствия...»¹⁵ Безрезультатно. Вскоре в лагерь стали являться посланники от Гусейн-бека с выражением безусловной покорности и весьма уклончивыми обещаниями окончательного ответа. Между тем сам правитель Ургута поспешил удалить из города свою семью и жителей в горы, оставив в нем только способных защищаться. Тем временем к Ургуту начали стягиваться недовольные новыми порядками. Было получено известие, что «...Гусейн-бек сносился с Джура-бием, шегриябзским беком, по сторону самаркандских гор, а Шегри-Сябз явно выставил себя врагом русских и союзником бухарского эмира».¹⁶ Решено было послать в город сильный самостоятельный отряд. «Цель нашей экспедиции... не была безусловно враждебна. От Гусейн-бека требовалось только одно – чтобы он прибыл в Самарканд для личных переговоров с генерал-губернатором и принял далеко не тяжёлые условия покорности. Только в случае полного сопротивления позволено было нам употреблять в дело оружие. Итак, надо было использовать предварительно мирные средства».¹⁷ А поэтому было решено отправить к Гусейн-беку послания от генерал-губернатора и начальника отряда, в которых кратко и вразумительно излагалась цель движения военных. Передать эти послания должен был верный человек Нурмед, которого писатель характеризует следующим образом: «...вся его жизнь наполнена была разнообразными, в высшей степени романтическими приключениями. ...Говорили, что лет тридцать тому назад он бежал из Сибири, что долго он слонялся по обширным степям киргизской орды, пробрался в Бухарское ханство, служил у отца нынешнего эмира Насрулла, ...был придворным медиком при дворе уже настоящего эмира Музафара, и, наконец, снова явился к русским, рассчитав, что давно забыто его прошлое, и не докопаться до него никаким пресловутым следователям...»¹⁸ Со страшным фанатичным озлоблением был встречен Нурмед в Ургуте: «Особенно женщины отличались на этом поприще: они, как разъярённые кошки, кидались на конвой, пытались пробиться к Нурмеду; приподняв свои покрывала, они плевали ему в лицо, швыряли кусками грязи и даже камнями...»¹⁹

К сожалению, мирным намерениям, изложенным в этих письмах, не поверили. Напротив, городские власти были абсолютно убеждены в возможности силой противостоять горсти русских. «Муллы в мечетях громко призывали всякие беды на головы неверных и предсказывали, что Аллах покарает позором русское войско, и храбрые мусульмане снова

¹⁴ Там же. С. 76-77.

¹⁵ Каразин Н.Н. Ургут // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В огне. СПб., 1905. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 81.

¹⁷ Там же. С. 85.

¹⁸ Там же. С. 86.

¹⁹ Там же. С. 89.

будут торжествовать в своём любимом Аллахом и всеми пророками, городе».²⁰ Сам же посланник был связан и народ требовал немедленной его смерти. Пытаясь спасти свою жизнь, Нурмед предложил послать к русским ЛжеГусейн-бека и тем самым выиграть время. «Мнимый Гусейн-бек, который оказался стариком лет восьмидесяти, в богатом шёлковом халате и необъятной чалме кульком трясся на высокой лошади под ковровой попоной».²¹ И даже после того, как этот мнимый правитель города со своими спутниками был раскрыт и отпущен, начальник русского отряда дал ещё два часа, чтобы Гусейн-бек лично вступил в переговоры с представителями российской власти.

Едва русские отряды тронулись в сторону Ургута, как стало понятно, что они со всех сторон окружены неприятелем. Неожиданно из садов «...показалась небольшая отдельная кавалькада... Оказалось, что это были вчерашние знакомцы; они ехали с окончательным ответом... От этих послов мы узнали, что Гусейн ни под каким предлогом не выедет к русским», что теперь войска уже собраны и город готов к обороне.²²

Выстроив боевой порядок, отряд продолжил движение. Как только он вступил в лощину совсем близко от города, показались конные толпы: «...неприятеля было, наверное, двадцать тысяч, а у нас не набралось и семисот человек».²³ Несколько удачных выстрелов разогнали конные толпы, и отряд вскоре подошёл к ограде садов. На дороге к городу были сделаны укрепленные завалы, занятые многочисленным неприятелем. Русские открыли пальбу гранатами, и бросились на завал. После непродолжительного, но упорного рукопашного боя ургутцы отступили за следующий завал. В конце концов город был взят. Н.Н. Каразина поразила куча тел у ворот года, «...наваленных одно на другое, ...некоторые были ещё живы и страшно корчились в предсмертной агонии; ...видно было, что выстрелы по ним были сделаны почти в упор».²⁴ Выяснилось, что под воротами в одной из боковых стен была маленькая незаметная дверь, ведущая в тёмное помещение, в котором эти люди и прятались. Их совершенно никто не заметил и не обнаружил. «Сиди сарты спокойно в своём убежище – на них никто бы не обратил никакого внимания; но уж такова азиатская натура, так велико фанатичное озлобление, что не хватило сил, чтобы утерпеть и не послать пули в спину зазевавшегося гяура». Когда русского караульного ранили в спину и солдаты бросились к двери, откуда раздалось ещё несколько выстрелов, вызвавших ответные русские залпы на звук в глубину темного помещения. И «...ни один выстрел, несмотря на то, что был выпущен на удачу, не пропал даром».²⁵ Выдавшие себя сарты жестоко поплатились за свою самоуверенность и наивность. По собранным данным, в Ургуте мертвыми было найдено до семисот человек. Ужасающая цифра в сравнении с численностью русских солдат, участвующих в штурме города. Сам Гусейн одним из первых бежал в горы практически перед самым началом штурма. «Цель экспедиции была отчасти достигнута: непобедимый Ургут был взят и разорён горстью русских. Это имело громадное значение в моральном отношении».²⁶

Итак, Н.Н. Каразин добавляет новые краски к образу коренных жителей Туркестана. Оседлое население (сарты) представляются у него в весьма мрачных тонах. «Они фанатичны и лицемерны; суетливы, когда речь идет о стремлении выгодно что-либо приобрести, и ленивы, когда мираж барыша исчезает. Деспотизм местных правителей и произвол полицейских властей воспитал в них скрытность, подозрительность, хвастовство, склонность к обману,

²⁰ Там же. С. 90-91.

²¹ Там же. С. 92.

²² Там же. С. 98.

²³ Там же. С. 99.

²⁴ Там же. С. 106.

²⁵ Там же. С. 107.

²⁶ Там же. С. 111.

корысть и нахальство, лезть и низкопоклонство перед властью предержажими. Жизнь собрата или иноплеменника для них ничто. Зарубить барана, зарезать человека – для них все равно».²⁷

К эпизодам вооруженного проникновения России в Центральную Азию Николай Каразин обращается в повести «Тигрица» из цикла «Тьма непроглядная», часть действия которой разворачивается во время Хивинских походов. Предоставленные сами себе, находясь за тысячи вёрст от России, а потому не имеющие поддержки, русские солдаты могли полагаться исключительно лишь на свою храбрость и выносливость. Непоколебимое мужество и сила воли помогли русским преодолеть все страшные препятствия и пройти через мёртвые хивинские пустыни, перенести с особой твёрдостью все невзгоды и лишения. Туркменам была нанесено страшное поражение.

Н. Каразин передает представления о туркменах, существовавшие у русских перед Хивинскими походами: «Это не бухарские сарбазы, бегущие при первом выстреле, это не сволочь, что собираясь в числе десяти и более тысяч, не выдерживает атаки одной нашей роты в сто человек... Туркмены так же воинственны и храбры, как черкесы; они превосходно вооружены, сидят в лихих кровных конях, приученных к боевой и разбойничьей жизни... У туркмен есть своего рода военная история, – предания, легенды, рыцарство... Они дорожат своею боевою репутациею и не дадутся на посрамление пришельцам...»²⁸ Но «...«любимое воинство Аллаха»... оказались на деле было далеко не такими богатырями как о них думали, и почти без боя отступили в свои земли, оставив нам в добычу и беззащитного, потерявшего свою голову владыку, и его взбудораженное, разгромленное ханство».²⁹

Писатель такое изменение представления о туркменах хотел оправдать равнодушием к судьбам ханства и нежеланием проливать кровь за деньги и за чужие интересы. И полагал, что совсем по-другому они будут вести себя в своих родных становищах, где и покажут себя совсем в ином свете. В русский лагерь стали поступать известия, что все, кто только способен носить оружие и сидеть на коне, стягиваются к Чандыру (куда и собирались идти русские), а семьи их откочевывают в пески. Расчёт туркмен был сделан на то, что русским будет очень тяжело, практически невозможно, преследовать их в безводных пустынях, без знания дороги и местоположения скрытых колодезев. Русские командиры приняли решение не теряя времени опередить туркменов, отрезать их от спасительных песков, догнать и захватить их семьи, стада и обозы. Вскоре нагнали отступающие обозы кочевников, извивающиеся подобно гигантским змеям. «Медленно двигались тяжело нагруженные арбы, облака пыли поднимались из под многочисленных колес, из под тысячи ног сбитого в гурты скота. <...> ...крик ужаса и злости понесся по всем линиям обозов, передаваясь от одной арбы к другой...»³⁰ Охранявшие арбы малочисленные всадники собрались вместе и отважно ринулись навстречу своим врагам. Не совладать. И уже через мгновение изрубленные тела туркмен падали на окровавленный песок.

Главный персонаж повести сослуживец Каразина офицер Наземов, от имени которого писатель ведет повествование, рассказывает: «Увлечённый общим движением, я тоже скакал, привстав на седле, силясь разглядеть что-нибудь в этом хаосе пыли и движущихся фигур. <...> Из облака пыли вдруг вынырнула передо мной фигура женщины. Эта женщина стояла во весь рост на арбе; левою рукою она придерживала ребёнка, правая же рука была вооружена длинным ножом... Мне казалось, что она смотрела прямо на меня, по крайней мере, я видел, я помню и теперь её взгляд, блестящий, гневный, заставивший меня сразу осадить свою

²⁷ Васильев Д.В. Указ. соч. С. 53.

²⁸ Каразин Н.Н. Тигрица // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: Тьма непроглядная. Повести и рассказы. СПб., 1905. С. 193-194.

²⁹ Там же. С. 194.

³⁰ Там же. С. 201.

лошадь... но в ту же минуту неожиданный толчок арбы заставил туркменку покачнуться... Она чуть не упала, она удержалась, но при этом выронила из рук своего ребёнка, и маленькое тельце покатило вниз, стукнулось обо что-то и исчезло под ногами моего коня... Жалобный, детский крик до сих пор ещё режет мне слух... я его никогда – никогда не забуду...»³¹ Далее буквально в течении двух-трех секунд произошло следующее: туркменка ударила ножом в бедро Наземова, а казак ударил шашкой по лицу туркменку. Рана эта оказалась не более чем царапиной. К вечеру того же дня бой закончился. Казакам было запрещено грабить обозы, раненым оказывалась необходимая медицинская помощь единственным доктором. Весь русский лагерь говорил о необыкновенной красавице: «...раненую привезли на «перевязочный» – удивительная женщина... У ней вся щека разрублена, а она и не морщится, глядит на всех да словно либо подсмеивается, либо укусить хочет... Субъект замечательный... и ребёнок в руках у неё мертвый; хотели взять – не даёт, зубами даже защёлкала».³² Наземов подошел к перевязочному пункту и увидел её: «Чудное это было лицо, раз его видеть, забыть трудно... невозможно! Странные вещи в лице этом творились... Подвижное, оживлённое, оно отражало в себе малейшее внутреннее чувство – смотри просто и читай...» Смотрит на своего мёртвого ребёнка, «...сама не шевелится; только грудь тяжело дышит, да словно вздрагивает, словно горя материнского накопилось там, словно рыдать она хочет, да удерживается перед гяурами, перед врагами своими слёзы показать боится...» А как только подняла она глаза от ребёнка, на которого смотрела с любовью и нежностью, «...чудная перемена свершилась разом, почти мгновенно... Эти большие черные глаза положительно горели; они жгли вас, насквозь пронизывали... в них было столько злости, почти бешенства; в её сжатых губах, в этих бровях, почти сросшихся над переносьем, дышала такая беспощадная, ничего не прощающая ненависть, что... все отворачивались или потупляли свои глаза».³³

Победители чувствовали себя перед этой красавицей с разорванной раной на лице, из которой струилась густая тёмно-красная кровь, совершенно неловко, даже виновато. Все готовы были предложить ей что угодно, лишь бы только успокоить её, облегчить ей материнское горе. Наземову даже «совестно стало перед нею», ведь ребёнок упал под его лошадь, поэтому он «стоял перед нею как преступник». А потом со словами: «Ты его убил, ты теперь и бери себе. Он живой был мой, а теперь он твой... Бери...», – туркменка вручила мёртвого ребёнка Наземову.³⁴ А позже все семьи местных жителей разбрелись, только раненая туркменка пошла за русскими. Даже получила от них арбу. Рана её зажила, остался только шрам, который её совсем не портил, даже придавал некоторую пикантность. «Красавица такая, что на нее просто не насмотреться, и все поголовно повлюблились. Сам генерал чуть не каждый день о здоровье её присылал ординарца справляться, лошадь ей один, тоже воздыхатель должно быть, подарил, хорошую лошадь, кровного жеребца, туркменского... А мелкие подарки, вещицы разные золотые, куски материй, сласти – так это ей каждый день со всех сторон доставляют». Красавица же «к вольному обхождению поводов никаких не даёт, строго себя держит и за всякую выходку в этом роде сердится, а то плакать начнёт, если кто уж очень приставать станет».³⁵

Потом гостья пришла в палатку к Наземову: «У меня отец был, и муж был, и сын был, мать умерла, матери давно уже не было... Муж ещё весной против вас пошёл туда, в пески, на тот берег, он там остался, он не вернулся... Слышишь? Не вернулся, его нету больше... Отец тоже с вами дрался, тогда, когда вы на табор наш напали... Его убили, я видела... У меня сын

³¹ Там же. С. 202-203.

³² Там же. С. 205.

³³ Там же. С. 207.

³⁴ Там же. С. 209.

³⁵ Там же. С. 213.

был Али-Джан; ему уже год был, он батырем вырос бы... Он бы мать свою берёт и кормил, он бы и за отца, и за деда отомстил бы вам, он бы... Теперь у меня сына нет... Мой маленький, мой дорогой, красавец Али-Джан умер – твой конь его копытом раздавил».³⁶ Так мучила она Наземова своими хождениями почти целую неделю, а потом предложила: «Я к тебе опять приду сегодня, и уже больше не уйду, как тогда. <...> Хочешь, я женою твоей буду... хочешь?». Наземов был совершенно счастлив: «Я ожил, я помолодел, я как ребёнок готов был броситься каждому на шею. Всё так цвело вокруг меня, так улыбалось».³⁷

Вскоре Наземова пригласили в Оренбург и Агреаль, так звали красавицу, со словами: «Я твоя... что ж... куда повезёшь, туда и поеду. Я везде за тобою идти должна!» – засобиравшись за ним. Агреаль вызвала у Наземова ощущение того, что перед ним «божество просто стоит, не женщина».³⁸ Но очень её волновало то, чтобы обязательно они вернулись назад. Наземов обещал: «Конечно, вернёмся. Если не сюда, в Шурахан, так в другое место: в Ташкент или в Самарканд. Всё же таки сюда, к вам в Азию. Ты Ташкент или Самарканд знаешь?» «Знаю, – отвечала туркменка. – Из Ташкента вы вот пришли, в Ташкенте ваш старший, голова живёт Ярым-падишах, и Самарканд знаю... великий, святой город. Вы его у Музафара эмира бухарского отняли». Наземов задумался: «Эге!.. Да ты в политике кое-что смекаешь... видно, не из простых сама-то...»³⁹ Заметим, что сколько бы Наземов ни пытался расспрашивать её о родственниках, о прежней жизни, о том кто вообще она такая, он ничего не мог узнать. Агреаль всегда уходила от вопросов уклончивыми недомолвками. Любовь полностью усыпила его подозрительность и позволила прекратить допросы, не нравившиеся красавице. Не интересовали туркменку рассказы Наземова о России, о нравах, обычаях, о городах и театрах: «...слушала она их всегда вяло как-то, холодно и украдкой... прикрывала рукою ленивую зевоту».⁴⁰ Эта любовь с каждым днем становилась сильнее, и Наземов даже стал подумывать о том, чтобы окрестить туркменку и обвенчаться.

Чем ближе эти двое приближались к России, отдаляясь от ее родных мест, тем больше и больше начинала скучать Агреаль. На предложение брака она ответила Наземову: «Видишь ветер, он вольный, да не совсем, он всё-таки дует туда, куда Аллах ему укажет, а я хочу быть вольнее даже ветра, и дуть туда, куда я сама пожелаю; знаю я как живут у вас жёны. Они думают, что они вольные, ... а по-моему, ничуть не вольнее тех, что у оседлых узбеков в гаремах запряганы!» По дороге к Орску Агреаль сообщила что беременна. Это вызвало прилив восторга у Наземова: «Как я ласкал её, как я берёт её после этого! Я на руках выносил её из тарантаса в станционную комнату, на руках и обратно сажал в экипаж... Я бледнел и пугался за неё при каждом толчке, что очень смешило Агреаль, не привыкшую к подобным нежностям... Ведь у них... беременные женщины на конях верхом через барьеры, да арыки широкие прыгают...»⁴¹ И вот уже в Оренбурге переодели Агреаль в русское платье, сшитое по всем правилам тогдашней моды. Но не очень шло оно ей. Потом поехали в Москву, а оттуда в деревню. Агреаль становилась всё более равнодушной и к Наземову и ко всему, что её окружало. «Случалось мне иногда подмечать, улавливать взгляд её, брошенный в мою сторону... Нехороший это был взгляд, каждый раз производил на меня самое грустное, тяжелое впечатление... и всякий раз видел какую-то злую усмешку на её губах...» Все соседи сначала отнеслись к ней очень радушно. Но довольно скоро стали называть ее татарской ведьмой. А приходской батюшка даже «...заклинал душу свою не губить и отречься от дьявола».⁴² Наземов

³⁶ Там же. С. 217.

³⁷ Там же. С. 219.

³⁸ Там же. С. 222.

³⁹ Там же. С. 223.

⁴⁰ Там же. С. 227.

⁴¹ Там же. С. 234.

⁴² Там же. С. 237.

всё списывал на беременность. И вот родился у них сын. Агреаль, кстати, очень обрадовалась, потому что страшно боялась рождения девочки. Однако кормить младенца отказалась, хотя сразу же согласилась на крещение младенца, названного Николаем. Через три месяца возникла необходимость ехать в Петербург, и Агреаль настояла на том, чтобы ребёнка оставили в деревне с кормилицей, объясняя такое свое решение тем, что маленького ребёнка незачем мучить дорогами. На прощанье сынишку «мать... поцеловала, быстро эдак, чуть прикоснулась губами и поскорее отдала его на руки кормилицы...»⁴³

Наземов вспоминает: «Пробыли мы в Петербурге месяца два... Уж куда только не возил свою красавицу, чего ей только не показывал... Только и понравился ей цирк – что на Караванной – туда даже сама просилась и в конюшню постоянно ходила...»⁴⁴ По возвращению в деревню опять заскучала красавица и стала настойчиво просить о поездке на юг. Решено было ехать и взять с собой здоровенького годовалого малыша. Когда приехали в Чимбай, Агреаль просила пожить здесь с неделю и пригласить из родных мест некоего нужного ей человека. К ребёнку мать переменялась, стала нежнее заботиться о нём. «Чаще ласкала его, держала на руках, целовала даже горячо так... впивалась губами в его пухленькие, румяные щечки».⁴⁵ Но однажды Наземов заметил то, что его озадачило: «Агреаль долго держала на своих руках Колю, потом отнесла его на постельку – ребёнок уже заснул – и бережно уложила его. Она повернулась, и свет из дверей сакли ударил ей прямо в лицо. ...я ясно, отчётливо видел крупные слёзы на её ресницах. Слёзы на глазах Агреали, которая никогда ещё не плакала...»⁴⁶ Вскоре приехали двое верховых туркмен, и привели с собой третью лошадь. Один из них был старым муллой. «Оружие у обоих, несмотря на скромность костюма, было превосходное, рукоятки на ножнах и шашках из слоновой индийской кости и украшены серебром с бирюзой. Лошади тоже дорогие, кровные...»⁴⁷ А наутро случилось вот что. Проснулся Наземов от страшной тяжести, навалившейся на его грудь: руки и ноги были у него связаны, во рту кляп. Но видеть он мог: «Старик мулла стоял у постели Коли, ко мне спиною; другой туркмен находился около меня и следил за каждым моим движением. Агреаль с фонарем в руках подошла тоже ко мне... и сказала: Ты раздавил моего сына, я велела задушить твоего. Ну, с тебя довольно и этого. За отца и мужа мне другие ответят. Прощай!»⁴⁸

Итак, к образам полудиких и бесшабашных разбойников-кочевников, недалеких и корыстных сартов Н.Н. Каразин добавляет образы свободолюбивых, предприимчивых, отважных и коварных туркмен. И если понять поведение Агреаль еще как-то можно, то принять его представитель европейской цивилизации не в состоянии. Примечательно, что свое злодейство мстительная туркменка вершит с помощью муллы. И читатель понимает, что поступки этой женщины, во-первых, не являются чем-то экстраординарным, а во-вторых, освящены религиозной традицией. Каждый из среднеазиатских мулл «...более магометанин, чем сам Магомет».⁴⁹ При этом все они лживы, хитры и коварны. Так ли это на самом деле, читающий интеллигент во внутренней России проверить не может. Ему остается лишь довериться очевидцам и попасть под коварное обаяние искусно выстроенных художественных образов.

⁴³ Там же. С. 240.

⁴⁴ Там же. С. 240-241.

⁴⁵ Там же. С. 243.

⁴⁶ Там же. С. 244.

⁴⁷ Там же. С. 245.

⁴⁸ Там же. С. 246.

⁴⁹ Каразин Н.Н. Ак-Токмак // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: Тьма непроглядная. Повести и рассказы. СПб., 1905. С. 126.

Чистый образ глубоко порядочных и честных представителей европейской цивилизации (русских) складывается у Н. Каразина не только из характеров благородных офицеров, но и из образов россиян, пытавшихся устроиться в среде нецивилизованных туземцев. В последнем отношении интересно еще одно произведение писателя «Тьма непроглядная. Рассказ из гаремной жизни», где сталкиваются образы и поступки русской женщины-врача и еще одного местного муллы.

Почтенным и зажиточным был сорокалетний купец Суффи Казиметов. На центральном базаре он имел собственный караван-сарай и торговал русским ситцем, хотя ни разу и не бывал в России. И хотя первая из его четырех жен уже умерла, её мать вела всё хозяйство и следила за гаремом. Пожилая женщина зарекомендовала себя как ревностная мусульманка, знавшая «...шариат чуть не наизусть, в правилах истинной веры была строга и неуступчива».⁵⁰ Уж очень невзлюбила она красавицу еврейку Эстер – третью, младшую и самую любимую жену Суффи, которая родила купцу прекрасного здорового сына – единственного брата нескольким дочерям отца семейства.

Вдруг страшное горе случилось в семье купца – сильно заболел ненаглядный малыш: «Горит ребенок, мечется, по тельцу струнья пошли, носик заложило, хрипит, будто отходить в иной мир собирается». Какие только средства не испробовали. И бараньим жиром мазали, и мулла «...порошок принёс зелёный ранки присыпать, священный настой какой-то насильно в горлышко вливал, над костром дымом окуривали, вороного жеребца приводили, чтобы страждущего обнюхал, в ноздрях щекотали у лошади, чтобы она фыркала при этом... ничего не помогает!...»⁵¹ Ребёнку становилось только хуже.

Спасение пришло от русского доктора Ольги Николаевны. «Сам Ак-падишах поставил её сюда, чтобы лечить... Ведь нельзя к нашим женщинам мужчинам-докторам ходить...»⁵² Ольга Николаевна прежде всего велела сжечь все ковры, все старые вещи и даже люльку малыша, проветрить саклю и всё вычистить, ребёнка выкупать и положить всё чистое. Через неделю малыш пошёл на поправку. Не давало это покоя старухе. Пошла она искать справедливости у старшего муллы: «Власти больше никакой не стало... Беда растёт без удержу. Только на тебя и надежда вся!» «Суффи отступник. Суффи и не правоверный больше, – заговорил мулла. – Так только считается мусульманином, а душа у него уже давно шайтану отдана. <...> Суффи, вчера вот бумага пришла от генерала, пишут: пока холодное время стоит, могилы на кладбище чинить, все дыры заделывать, известью заливать... дыры, говорят, везде, местами покойников даже видно, как те гниют... Не от этого зараза, не от этого болезни, – от другого пошли... от Божьего гнева, за наши грехи, за наше малодушие и отступничество...»⁵³ А ещё старуха рассказала, что ребёнок с каждым днём всё здоровее становится, а вот мать, конечно, больна и должна умереть. Но вот «русская ведьма» хочет увезти Эстер с малышом в русский город, где она может скоро поправиться и «кровь перестанет идти из глотки». Научил мулла на какую точку на горле надо надавить, чтобы человек мог умереть. Старуха исполнила волю Аллаха и собственными руками убила младенца. Горе больной матери было безутешно и довело её до умопомешательства. А Суффи наказал старуху. «Улькун-ханым, – объявил он, – не выдержала великого горя, покаялась в своих грехах и сама на себя наложила руки».⁵⁴ Старого муллу вскоре арестовали и отвезли в русскую крепость. «Молча, угрюмо провожали

⁵⁰ Каразин Н.Н. Тьма непроглядная. Рассказ из гаремной жизни // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: Тьма непроглядная. Повести и рассказы. СПб., 1905. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 6.

⁵² Там же. С. 21.

⁵³ Там же. С. 53-54.

⁵⁴ Там же. С. 98.

горожане глазами проезжавшую тесными закоулками базара арбу с пленником и только отворачивались, чтобы не видеть этих злых глаз».⁵⁵

В последней четверти XIX столетия завершался процесс присоединения центральноазиатских территорий. И власть была заинтересована в том, чтобы в российском обществе формировалось мнение о возможности, а то и необходимости, продолжения экспансии. Подданные должны были поверить, что только так можно возродить цветущие оазисы Азии, где «воздух наполняется нежными ароматами сочных трав и цветов и веселыми напевами ее крылатых обитателей». Все должны были понять, что хотя военный путь решения проблемы не является идеальным, без него невозможно обойтись, когда нравственное воздействие на нецивилизованных варваров не приводит к желаемому результату. Главное помнить, что «русские идут сюда по желанию... народа, чтобы положить конец царившим здесь волчьим нравам».⁵⁶

Вполне возможно, что в этом кроется популярность Н.Н. Каразина, чьи произведения, впервые опубликованные в 1870-х гг., неоднократно переиздавались, а в начале XX столетия вышли в виде двадцатитомного собрания сочинений. В них было все о тогдашней Средней Азии. Точнее все, что было необходимо знать просвещенной публике про дикий, озлобленный, фанатичный, закосневший и коварный Восток и про благородную, милосердную, прогрессивную, просвещенную, словом цивилизованную, Россию.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881-1885 // Вестник Европы. 1904. № 10. С. 448.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арипова Л.П. Преодолеем стену забвения. (О Каразине Николае Николаевиче) [Текст] / Л.П. Арипова. М.: Фонд «Народная память», 2005. – 152 с. – ISBN 5-901287-10-X.
2. Брежнева С.Н. Присоединение Туркестана к России: дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии [Текст] / С.Н. Брежнева. Тольятти: Изд-во ТГАС, 2004. – 288 с. – Библиогр.: с.264-287. – ISBN 5-9581-0008-4.
3. Брежнева С.Н. Современная историография русско-азиатских отношений в период присоединения Туркестана к России [Текст] / С.Н. Брежнева. Тольятти: Изд-во ТГУС, 2007. – 155 с. – Библиогр.: с. 123-154. – ISBN 978-5-9581-0127-6.
4. Быков П. Н.Н. Каразин [Текст] // Звезда. Спб., 1901. № 50. С. 5-7.
5. Васильев Д.В. Мифы о Туркестане: Туркестан глазами русских. XIX – начало XX вв. // Восток – Запад: аспекты взаимодействия. Материалы научной конференции. Ташкент, 12 мая 2006 года. Ташкент, 2006. С. 3-5.
6. Васильев Д.В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Интернет-журнал «Науковедение», 2014, № 5 (24) [Электронный ресурс] - М.: Науковедение, 2014. -.- Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. - Яз. рус., англ.
7. Васильев Д.В. Россия в Центральной Азии: мифы об имперской окраине [Текст] // Научные труды Института бизнеса и политики. Вып. 4: Восток: история, политика, культура. М.: Институт бизнеса и политики, 2007. С. 39–70.
8. Васильев Д.В. Русский Туркестан: судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865—1886 гг.) [Текст] // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева / Под ред. Н. Г. Суворовой. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 351–392.
9. Васильева И.В., Васильев Д.В. Русский Туркестан в литературных произведениях Н.Н. Каразина // Интернет-журнал «Науковедение», 2014, № 4 (23) [Электронный ресурс] - М.: Науковедение, 2014. -.- Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/136PVN414.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. - Яз. рус., англ.
10. Кереева-Канафиева К.Ш. Русско-казахские литературные отношения (Вторая половина XIX – первое десятилетие XX века) [Текст] / К. Ш. Кереева-Канафиева. 2-е изд. Алма-Ата: Казахстан, 1980. – 280 с.
11. Ташкентский романист-обличитель [Текст] // Неделя. Спб., 1874. С.430-437.
12. Центральная Азия в составе Российской империи [Текст] / Под ред. С.Н. Абашина, Д.Ю. Арапова, Н.Е. Бекмахановой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с., ил. – Библиогр.: 425-432. – ISBN 978-5-86793-571-9.
13. Шумков В. Жизнь, труды и странствия Николая Каразина, писателя, художника, путешественника [Текст] // Звезда Востока. Ташкент, 1975. № 6. С. 207-224.

Vasilyeva Irina Vladimirovna
Ilyushin Grammar School No 18 of Korolev city
Russia, Korolev
E-Mail: dusya_70@inbox.ru

Vasilyev Dmitry Valentinovich
Institute of Government, Right and Innovative Technologies
Russia, Moscow
E-Mail: dvvasiliev@mail.ru

Images of Turkestan Residents and its Conquerors in the Literary Works of Nikolay Karazin

Abstract. In the article a number of works which were written by Nicolay Karazin in the second half of the 19th century is analyzed. These are various tales which are closely connected by the storylines with the Russian gain of Central Asia. In the writer's stories and novels images of representatives of the different people occupying the region were created, as well as images of Russians who had faced a new reality. The military and political conflict is shown like a civilization conflict in which civilized and barbarous societies were collided. The article theorizes that Nikolay Karazin's works were repeatedly republished during the half of the century through their ideological orientation completely corresponded to the imperial policy. And the image of Turkestan formed by Karazin reflected tasks which faced Russia in the Turkestan Governorate General.

Keywords: Turkestan Region; Central Asia; Russian Empire; image of a region; image of residents; domestic policy; history; Russian literature; Russian writers; Nikolay Karazin; 19th century.

REFERENCES

1. Aripova L.P. Preodoleem stenu zabveniya. (O Karazine Nikolae Nikolaeviche) [Tekst] / L.P. Aripova. M.: Fond «Narodnaya pamyat'», 2005. – 152 s. – ISBN 5-901287-10-Kh.
2. Brezhneva S.N. Prisoedinenie Turkestana k Rossii: diskussionnye problemy dorevolyutsionnoy i sovetskoy istoriografii [Tekst] / S.N. Brezhneva. Tol'yatti: Izd-vo TGAS, 2004. – 288 s. – Bibliogr.: s.264-287. – ISBN 5-9581-0008-4.
3. Brezhneva S.N. Sovremennaya istoriografiya russko-aziatskikh otnosheniy v period prisoedineniya Turkestana k Rossii [Tekst] / S.N. Brezhneva. Tol'yatti: Izd-vo TGUS, 2007. – 155 s. – Bibliogr.: s. 123-154. – ISBN 978-5-9581-0127-6.
4. Bykov P. N.N. Karazin [Tekst] // Zvezda. Spb., 1901. № 50. S. 5-7.
5. Vasil'ev D.V. Mify o Turkestane: Turkestan glazami russkikh. XIX – nachalo KhKh vv. // Vostok – Zapad: aspekty vzaimodeystviya. Materialy nauchnoy konferentsii. Tashkent, 12 maya 2006 goda. Tashkent, 2006. S. 3-5.
6. Vasil'ev D.V. Organizatsiya upravleniya v Russkom Turkestane po proektam Polozheniya ob upravlenii 1870-kh gg. // Internet-zhurnal «Naukovedenie», 2014, № 5 (24) [Elektronnyy resurs] - M.: Naukovedenie, 2014. -.- Rezhim dostupa: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. - Yaz. rus., angl.
7. Vasil'ev D.V. Rossiya v Tsentral'noy Azii: mify ob imperskoy okraine [Tekst] // Nauchnye trudy Instituta biznesa i politiki. Vyp. 4: Vostok: istoriya, politika, kul'tura. M.: Institut biznesa i politiki, 2007. S. 39–70.
8. Vasil'ev D.V. Russkiy Turkestan: sud'ba i vlast' (turkestanskije general-gubernatory v 1865—1886 gg.) [Tekst] // Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: Sbornik nauchnykh statey. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Remneva / Pod red. N. G. Suvorovoy. Omsk: Izd-vo OmGU, 2005. S. 351–392.
9. Vasil'eva I.V., Vasil'ev D.V. Russkiy Turkestan v literaturnykh proizvedeniyakh N.N. Karazina // Internet-zhurnal «Naukovedenie», 2014, № 4 (23) [Elektronnyy resurs] - M.: Naukovedenie, 2014. -.- Rezhim dostupa: <http://naukovedenie.ru/PDF/136PVN414.pdf>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. - Yaz. rus., angl.
10. Kereeva-Kanafieva K.Sh. Russko-kazakhskie literaturnye otnosheniya (Vtoraya polovina XIX – pervoe desyatiletie XX veka) [Tekst] / K. Sh. Kereeva-Kanafieva. 2-e izd. Alma-Ata: Kazakhstan, 1980. – 280 s.
11. Tashkentskiy romanist-oblichitel' [Tekst] // Nedelya. Spb., 1874. S.430-437.
12. Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii [Tekst] / Pod red. S.N. Abashina, D.Yu. Arapova, N.E. Bekmakhanovoy. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 464 s., il. – Bibliogr.: 425-432. – ISBN 978-5-86793-571-9.
13. Shumkov V. Zhizn', trudy i stranstviya Nikolaya Karazina, pisatelya, khudozhnika, puteshestvennika [Tekst] // Zvezda Vostoka. Tashkent, 1975. № 6. S. 207-224.